

Туторский Андрей.

Послесловие

Вы держите в руках последнюю книгу Дэвида Гребера, вторую, вышедшую после его смерти, и пятую из переведенных на русский язык. Читатель наверняка знаком с основными вехами биографии этого известного ученого, активиста и антрополога-анархиста, поэтому остановимся на некоторых этапах его жизни, которые важны для понимания этой книги, а также на ряде особенностей этнографического материала.

Некоторые биографические заметки, связанные с мадагаскарскими исследованиями Дэвида Гребера

После окончания в 1984 году Перчейз-колледжа Университета штата Нью-Йорк со степенью бакалавра по антропологии Дэвид Рольф Гребер перебирается в Университет Чикаго. Там его научным руководителем становится известный специалист по экономической антропологии и австронезийским народам Океании Маршалл Салинз, в то время только завершивший свой разворот к исторической антропологии и выпустивший книгу «Острова истории» (1985), в которой он рассматривал то, как исторические события и историческое сознание определяют культуру и политическую жизнь полинезийцев.

Если до поступления в Чикаго научные интересы Гребера были связаны с письменностью майя и мезоамериканскими культурами, то в Чикаго он берется за Мадагаскар. Этот остров, с одной стороны, составляет часть Африки и прошел все этапы исторического развития этого континента, начиная от перевалочного пункта арабской торговли до колонизации и антиколониальных движений XVIII–XX веков, в ходе которых жители острова боролись с португальцами, французами, англичанами, а также взаимодействовали с полиэтническим пиратским сообществом индийского океана. С другой стороны, это остров, заселенный еще до нашей эры представителями австронезийской языковой семьи – мальгашами, которые являются дальними родственниками тробрианцам, тикопия, гавайцам, маори и другим народам Океании. Тем самым народам, о которых писали свои классические труды Бронислав Малиновский, Руперт Фёрс и сам Маршалл Салинз.

Гребер выиграл стипендию Фонда Фулбрайта и в 1989 году отправился в двадцатимесячную экспедицию в горные районы Мадагаскара, где изучал политическое устройство и историческую память малагасийцев. Исследователь прибыл на остров 16 июня и первые

шесть месяцев провел в Антананариву, изучая мальгашский язык. Затем он переселился в город Аривунимаму с населением около десяти тысяч человек и стал совершать регулярные выезды по окрестным деревням (часто в компании своих мадагаскарских друзей), записывая устные предания по истории региона. Видимо, в одной из таких поездок у него и случился «короткий роман с женщиной, по происхождению связанной с островом Сент-Мари».

Выбрать в качестве основного места исследования именно горную деревню Бетафу ему помогла встреча с другой женщиной – Миаданой – одной из местных жительниц, с которой он познакомился почти случайно, отправляясь на новогодний праздник Алахамеди (первое весеннее новолуние), чтобы увидеть, как совершается ритуал фанасинана (одно из обобщающих слов со значением «ритуал»). Миадана ответила, что ничего не знает об обряде фанасинана, но может поведать многое об истории Бетафу, после чего два часа без перерыва и почти без вспомогательных вопросов со стороны этнографа излагала историю деревни. Именно она и рассказала впервые об ордалии, организованной в 1987 году двумя «знающими людьми» из Бетафу – Рацизафи и Рандоза. Гадание должно было выявить, кто из жителей Бетафу ворует урожай с полей, но прошедший через несколько дней ливень смыл участки с рисом самих организаторов ритуала. Как объясняли местные жители, в ходе гадания были смешаны щепотки земли с могил двух старых врагов: один происходил из сословия рабов, а другой – из сословия рабовладельцев. Это и вызвало гнев предков.

Вернувшись в начале 1991 года в Чикаго, Гребер начинает работать над диссертацией и в 1996 году получает степень доктора философии (PhD) за исследование «Катастрофическая ордалия 1987 года: память и насилие в сельских районах Мадагаскара». В 1998 году он заступает на должность в Йельском университете и с головой уходит в активизм. Гребер опубликовал текст диссертации только в 2007 году под названием «Затерянные люди. Магия и наследие рабства на Мадагаскаре». Однако отрывки из его мадагаскарского исследования читатели могут найти в работе «Фрагменты анархистской антропологии» (2004, русский перевод – 2014).

В 2017 году мадагаскарские материалы вновь были использованы при подготовке монографии «О королях», в которой он совместно со своим бывшим руководителем Маршаллом Салинзом предложил схему формирования королевской власти «от сакрального к социальному», поставив с ног на голову марксистскую схему, в которой материальный мир и связанные с ним социальные отношения формируют сакральные представления о власти. Пятая глава этой коллективной монографии «Народ как няньки короля» была основана именно на мадагаскарских материалах (преимущественно на данных по истории мерина, жителей горных районов, где он вел исследования). Однако в ней также встречаются, хотя и намного реже, материалы береговых бецимисарака.

Именно для этой книги Гребер начал писать эссе «Пиратское Просвещение. Мнимые короли Мадагаскара». И именно тогда он вернулся к своим материалам о бецимисарака, зафиибрагим, занамалата и нашел на компьютере копию рукописи Николая Мейёра. Но текст жил своей жизнью: «быстро распухал», и «очень скоро рукопись разрослась до целых семидесяти страниц, набранных через один интервал». В 2020 году Гребер получает от издательства «Либерталия» предложение написать книгу о пиратах и их политических проектах. Ведь «никто не любит пространных эссе; напротив, короткая книжка всякому по

нраву».

Однако 2 сентября 2020 года, находясь в отпуске с женой Никой Дубровской и друзьями в Венеции, Дэвид Гребер внезапно скончался от острого некротического панкреатита. Книга «Пиратское просвещение» вышла только в конце 2022 года на английском языке, став второй посмертной – после работы «Заря всего. Новая история человечества», написанной в соавторстве с Дэвидом Уэнгроу, – книгой великого антрополога-анархиста.

Примечания научного редактора по поводу антропологических сюжетов, которые внимательный читатель может встретить в этой книге

Ключевой замысел, который автор вложил в книгу о мадагаскарских пиратах, их мальгашских женах и потомках их детей – занамалата (сыновей мулатов), – состоит в том, что новейшие идеи (равенства полов, коллегиального принятия решений, справедливого общественного устройства) не принадлежат исключительно европейцам – европейскому рациональному научному, – а связаны с культурами разных народов земли.

Классическим примером такого проекта служит «Утопия» Томаса Мора. Это идеальное государство, которое автор помещает на остров во вне-пространство, «не-место» (как и переводится с греческого οὐ τόπος), которое не найти на карте. Это создает у читателя эффект идеального проекта, не связанного с конкретным государством или такими понятиями как «Запад» или «Восток». Внепространственность и внекультурность островных проектов подчеркивается тем, что остров до прибытия Гитлодея и основания государства агнополитанцев был необитаем. По крайней мере, ни о каких аборигенах или туземцах в «Золотой книжице» не упоминается. Эта особенность ставит работу Мора в один ряд с «Робинзоном Крузо» Даниеля Дефо и «Таинственным островом» Жюль Верна: есть остров, на острове создается достойная подражания форма жизнеустройства, однако это устройство – продукт исключительно правильных действий прибывшего туда европейца.

Внимательный читатель может заметить, что на острове Утопия есть рабы. Они трех категорий: а) пленные, ждущие выкупа; б) жители утопии, совершившие правонарушение; в) жители других стран, добровольно перешедшие в рабство к агнополитанцам. Этот факт дополняет европоцентрическую картину мира, перенесенную в идеальный проект Мора. Хорошие рациональные идеи создаются европейцами, а жители других стран будут счастливы даже стать рабами на острове Гитлодея. Таким образом Мор в идеальный мир своего островного государства помещал социальные болезни европейских культур – претензии на исключительность и колониалистский патернализм по отношению к другим народам.

Именно такой европоцентричный взгляд был категорически неприемлем для Гребера. Своей книгой он хотел показать, что идеалистические проекты являлись не только результатом размышлений просвещенных англичан, французов и немцев, но и следствием локальных знаний пиратского сообщества, а также народов Африки, Океании, Южной и Северной Америки. Еще в работе «Фрагменты анархистской антропологии» он отмечает, что пиратские утопии объединяли британских ренегатов и изменников, мусульманских корсаров и представителей туземных сообществ от Гаити до Мадагаскара (Гребер, 2004: 54). Впервые писать об этом стал коллега Гребера, американский политический писатель, эссеист и поэт Питер Ламборн Уилсон, больше известный под псевдонимом Хаким Бей, который увидел в пиратских утопиях прообразы «временных автономных зон» современного анархизма (Гребер, 2004: 29).

Однако, строго говоря, вся наука этнография начинается с того, что первые ученые-этнографы решают искать альтернативы европейскому направлению развития. Его пытались найти среди народов, которые в то время назывались «дикими»; этнографы же предпочитали называть их «естественными», «природными» или «первобытными», то есть сохранившими адекватный человеческой природе изначальный (первобытный) образ жизни. Одним из ранних и наиболее известных примеров этнографической работы такого рода служит книга Льюиса Моргана «Лига ходеносауни или ирокезов», вышедшая в 1851 году.

Лига ирокезов возникла еще до появления европейцев в районе Великих озер. Точная дата ее образования неизвестна, а предполагаемые колеблются от 1450 до 1660 года. Сами ирокезы называли свой союз «Ho-dé-no-sau-nee» – «строители длинного дома». Французы, первыми из европейцев пришедшие в эти края, использовали понятие «лига шести наций», а англичане – словосочетание «конфедерация ирокезов». Именно подобные наименования, а не «союз пяти племен» или «„государство“ ирокезов» позволили в дальнейшем применять для описания этого раннеполитического образования такие словосочетания как «первая демократическая система Америки».

Со строго научной точки зрения союз американских индейцев не являлся государством в полном смысле этого слова, однако именно несхожесть лиги с классическими государствами Старого Света – ненаследственность сахемов, особая роль женщин в избрании и назначении сахемов, ступенчатый демократический характер принятия решений – не просто отличала ее, а отличала в выгодную сторону.

На мой взгляд, неслучайно, что вынесенное Морганом в заглавие монографии наименование политического образования ирокезов – «лига» – в начале XX века также использовалось для обозначения проекта первого международного консультативного органа – Лиги Наций. Поэтому значительная доля правды есть в словах этнографа Нораира Тер-Акопяна, который писал, что «с монографией „Лига ирокезов“ появилась и этнографическая наука». Этнография была наукой о поиске альтернатив Западному (европейскому) пути развития, а Соединенные Штаты Северной Америки – одной из таких альтернатив.

В XX веке этнография трансформировалась в антропологию. Акцент в изучении сместился с истории развития на современность (поскольку исторических сведений о бесписьменных народах всегда очень мало), с деревенских обществ на городские (поскольку горожан

численно больше, а селяне стремятся перебраться в город) и со стабильных структур на трансформации, конфликты, лиминальность и ризомы. Все эти изменения были научно оправданы, однако они в значительной степени лишили антропологию/этнографию ореола поиска альтернативного знания, альтернативного пути развития. Именно эту «ошибку» стремились исправить, историзируя антропологию, сначала Эдвард Эванс-Причард в работе «Сануси из Киренаики», а затем Маршалл Салинз в монографии «Острова истории» и Дэвид Гребер в книгах «Заря всего» и «Пиратское просвещение» – последнюю вы держите в руках.

Однако Гребер пошел дальше. Он не просто нашел альтернативную, не Западную, хотя при этом и более соответствующую многим идеалам Западной мысли, историю другого народа. Он показал, что это общая история европейских пиратов, арабских корсаров и местных мальгашских женщин. Читатель, конечно, может возразить, что общие утопические проекты, объединяющие людей с разных континентов, также известны. Вспомним, например, книгу датского журналиста Арне Фальк-Рённе «Слева по борту – рай. Путешествие по следам „Баунти“» (1965; русское издание – 1982). В ней речь идет о том, что матросы с корабля «Баунти» поднимают мятеж, а затем отправляются искать место для жизни на один из необитаемых островов Тихого океана. В 1790 году, взяв с собой тридцать полинезийский женщин и шесть мужчин, девять бунтовщиков высаживаются на острове Питкэрн. Однако из-за конфликтов и болезней к 1800 году в живых из мужчин остается только Джон Адамс, который старается воспитывать подрастающее поколение в духе христианской морали.

Как и у бецимисарака Мадагаскара, на Питкэрне возникает новое общество, основанное на подражании утопии, как и у бецимисарака, местные женщины живут с мужчинами-пиратами, как Конфедерация бецимисарака, община Адамса входит в состав более крупных политических образований. В чем же основные отличия? Их, пожалуй, два. Во-первых, «мятеж на Баунти» воспринимался как особый случай, который был интересен в первую очередь журналисту, а не исследователю-антропологу. Дэвид Гребер же попытался представить краткую историю Конфедерации бецимисарака как достаточно типичный, но не замечаемый пример исторического события, аналогии которого еще будут описаны. Во-вторых, проект Конфедерации бецимисарака – это общий проект людей с разных континентов и носителей разных культур. И именно таким, скорее всего, будет общество будущего, которое и пытались описать авторы утопий.

Замечательно, что эта работа так и не стала главой книги «О королях», а выходит в качестве отдельной монографии. Не только потому, что «короткая книжка всякому по нраву», а еще и потому, что в этом случае ее прочтает бóльшее количество читателей-не антропологов.

Версия #3

Зверобой создал 9 февраля 2026 00:28:06

Зверобой обновил 9 февраля 2026 00:30:30